

НАСЛЕДСТВО.

Предупреждение:

Все события и персонажи повести вымышленны. Любое совпадение с реальными фактами — чистая случайность. ;)

«Морали нет. Есть только красота».
Константин Бальмонт.

«Я встретил Вас и всё былое
В уснувшем сердце оживо
Я вспомнил время — время
золотое.

И сердцу стало вдруг светло».

Напевал себе под нос несколько картавым тенорком скрипач санкт-петербургского филармонического оркестра Натан Юдельевич Штоппель (а для друзей и близких — просто Толя), раскладывая гран-пасьянс «Косынка», которым обыкновенно завершался его утренний моцион, состоящий из 40 минут велотренажёра, похода в душ, чашки не очень крепкого кофе со сливками и этого самого, маминого ещё, пасьянса. Дверной звонок оторвал его от любимой игры. За дверью стоял почтальон с телеграммой-«молнией», извещавшей о скоропостижной кончине 92-х летней петергофской двоюродной тётушки Штоппеля, Розы Львовны. Нельзя сказать, чтобы отношения племянника и тётушки были совсем уж близкими: они созванивались, главным образом, по праздникам да раза два-три в год Толик обычно навещал её. Однако он был самым близким родственником бездетной старушки и, следовательно, единственным наследником её, ведь от составления завещания она принципиально отказалась, полагая не без основания, что, если слишком часто вспоминать о смерти, это уже само по себе приблизит конец. Да и наследство Розы Львовны, скажем забегая вперёд, было, не ахти-каким огромным...

Похороны и поминки, на которых, помимо Штоппеля, присутствовали лишь соседи усопшей по дому, — поскольку все сослуживцы уже 35 лет пребывавшей на пенсии тётушки

либо сами давно отправились в мир иной, либо были настолько немощны, что чисто физически не могли добраться из центра Петербурга, где когда-то Роза Львовна работала билетёршей, до Петергофа, — прошли в банальных и несколько лицемерных речах о высоких нравственных и интеллектуальных достоинствах новопреставленной.

«Несколько лицемерных» — ибо, даже за вычетом незыблемого для усопших из числа частных лиц: «De mortuis aut bene aut nihil», все присутствующие знали о большей части жизни покойницы лишь по её немногочисленным рассказам, меж тем, как основной изъязн всех вообще мемуаров состоит в обелении их автором (хотя бы и невольном) себя, любимого. Итак, помимо не отремонтированной, как минимум, четверть века однокомнатной квартиры, крохотного полусгнившего дачного домика во Мшинском и 10 тысяч рублей в Сбербанке, скрипачу достались два изрядно полинявших и побитых по краям молью гобелена начала века, да изумительной красоты матовый плафон «шишка» того же времени — увы, безо всякого светильника к нему. Несмотря на то, что двадцатисемилетний скрипач был до сих пор холост, он уже давно мечтал о собственной уютной даче, так что квартиру тётушки тотчас же решено было продать, чтобы на вырученные деньги построить новый дом на участке во Мшинском. А гобелены были вскоре пристроены, по две с половиной тысячи рэ каждый, в один из мелких городских театров, где регулярно шли чеховские «Дядя Ваня» и «Три сестры».

«Шипечник» же, а, точнее, завивающиеся вокруг центра языки факельного пламени с шариками-«искрами» промеж них, Натан Юдельевич твёрдо решил повесить в качестве бра в домашнем своём кабинете над, принадлежавшем ещё деду-нотариусу, массивным письменным столом. Именно за этим столом наш герой каждое утро и раскладывал свой гран-пасьянс, потягивая горячий кофе. Но сперва надлежало где-то разжиться бронзовой «креманкой»-основанием, поскольку только бронзовое фигурное литьё полностью гармонировало со стеклом столь изысканной формы. Меж тем, тратить вырученное с продажи гобеленов на какого-нибудь скрягу-антиквара ох, как не хотелось...

И тут Штоппеля осенило. Он вспомнил, что соседний с баром «Ярь», располагавшемся в первом этаже типичного «сталинского» дома по Южному шоссе 66, где Штоппель иногда подхалтуривал в джаз-бэнде, — на дворе был 1997 год и в филармонии платили сущие гроши! — тоже «сталинский» дом № 60 имеет выходящую в разделяющий эти дома широкий проулок, заколоченную изнутри Бог весть когда высоченную дверь.

Сбоку от этой двери и располагался, даже не стандартный деревянный кругляк-подрозетник, а просто толстенный квадратный брусочек, с чем-то очень напоминающим искомое основание для «шишечника». В очередной раз подходя к «Яру», наш герой приблизился к этой двери, чтоб, как в таких случаях говорится, расставить точки над «i». Так и есть: изрядно потускневшая и, местами, позеленевшая от времени бронзовая «креманка» [«шишка» ТП-4 — примеч. автора] с последним осколком карболитового патрона на доньшке, с узором в виде листьев лавра и венка на широком [16 см. — примеч. автора] основании, под стать дубоволиственному орнаменту лепнины, обрамлявшей самоё дверь, была привинчена на трёх небольших заржавленных шурупах с прямым шлицом.

И Штоппель решил, взяв в филармонии четырёхдневный отпуск за свой счёт, начиная с понедельника.

На дело он решил идти во вторник, в четыре утра, когда, как обычно бывает по будням, «Ярь» уже с час как будет закрыт, а до пробуждения первых окрестных обывателей так же останется где-то час. Вместо табурета или мини-лестницы, немного не дотягивающий до баскетбольного роста, Штоппель решил взять с собою, чтоб уж не тащить его обратно, обычный полиэтиленовый синий ящик для транспортировки бутылок. Из инструмента он намеревался взять только отцовскую, явно ещё довоенную, отвёртку с длинным при длинным жалом-лопаточкой и наверняка неродной, огромной, как у серпа или рашпиля-«шкуродёра», рукоятью, грубо вырезанной из яблони без посредства токарного станка. Плюс уткогубцы, которые он накануне должен был позаимствовать у соседа по лестничной площадке, пожилого добряка-журналиста Ильи Цыпина. Поскольку на дворе стояла ещё сравнительно сухая

первая половина сентября, из одежды Штоппель выбрал тёплый, но всё же тонкий свитер, ветровку с глубоким капюшоном, классические велотрусы до колен, незаменимые для профилактики растяжений и вообще ранней усталости икроножных мышц, ежели придётся спешно уносить ноги по кочкам задворков и огородов, толстые шерстяные носки, старые джинсы, кожаные потёртые перчатки и разношенные, но всё ещё крепкие, высокие кеды.

В понедельник вечером он взял на прокат у Цыпина, якобы для ремонта простенького радиоприёмника, уткугубуцы, положил их вместе со своей старинной отвёрточкой в футляр из-под дешёвой, запертой ныне в нижнем ящике необъятного дедова стола, советской скрипки, с которой начиналась его карьера филармонического скрипача (ныне его основным инструментом был казённый «Амати»), одел всё, что собирался одеть по этому случаю, и принялся ждать, без особого мандража, коротая время за так называемым Пасьянсом самого Наполеона. Подаренные когда-то тётушкой старинные напольные часы пробили на кухне без четверти три. Взяв в правую руку футляр с инструментом, в левую — бутылочный ящик, Натан Юдельевич вышел из дому, спорым шагом направив свои стопы кратчайшим путём до «Яра». Ночь была даже слишком тёплой и сухой для питерского сентября, временами дул лишь лёгкий бриз. Без четверти четыре наш герой был уже у заветной двери. Из кармана джинсов он извлёк карманный мини-фонарик, хранящийся там ещё по давней привычке юности. Взяв его в рот, а отвёртку — в руку, Штоппель вспрыгнул на поставленный вверх дном синий ящик. Натренированные годами ежедневных репетиций, цепкие пальцы профессионального скрипача легко вывинтили три круглоголовых шурупа-двойки из основательно подгнившей еловой колобашки.

Однако, как только он опустил драгоценную «креманку» на дно скрипичного футляра, за вроде бы заколоченной намертво дверью явственно послышался лязг отодвигаемого засова. В животе у Штоппеля похолодело. Не думая ни секунды, он с размаху хряснул торцом здоровенной отвёрточной рукояти по темени обернувшегося к нему спиной, чтобы прикрыть за собою дверь, маленького, не более метра семидесяти в росте,

гривастого и мужичка с большой клокастой бородою, вышедшего, по-видимому, покурить на порог своей квартиры. Бородач, плавно, как при замедленной киносъёмке, повалился без чувств на спину. «Наверняка всё-таки оглушил, не убил. Волос-то у него — на троих таких...» — лихорадочно пронеслось в мозгу скрипача... Мигом сложив свой нехитрый скарб в футляр и пнув с досады ногою бутылочный ящик, Штоппель решил последний раз взглянуть на мужика. Лужи крови, как это бывает при проломленном черепе, под головою не наблюдалось. Это обнадежило нашего героя. Бриз тем временем разогнал облака и на небе явилась луна. В её мертвенном свете Натан Юдельевич с удивлением узнал свою жертву. То был один из завсегдатаев «Яра», на редкость отчаянный спорщик — даже если предметом спора выступал суший пустяк! — балагур и матершинник, владелец магазина ортопедических лифчиков и, по совместительству, видный деятель правой фракции питерских эсеров, Стас Колесников. Во время последнего посещения «Яра» Штоппелем, Колесников с пеной на губах доказывал какому-то, то ли французу, то ли бельгийцу, коего звали Домиником Кортон, что печально знаменитые «Протоколы сионских мудрецов» вовсе не являются фальшивкой, состряпанной ещё царским правительством. Под конец слышимой Штоппелем части спора, эсер распалился до того, что сквозь зубы обозвал своего оппонента *jean-foutre*’ом [французское: «заср-ц» — примеч. автора].

В этот момент со стороны шоссе послышался вой сирены быстро приближающейся «Скорой» или вневедомственной... Штоппель схватил свой футляр и переходящим в бег шагом рванул по задворкам квартала в направлении железнодорожной станции Фарфоровская, чтобы там перевести дух и сесть на первую же электричку до Мшинского. В голове его, словно мантра, звучала старая лагерная, невероятно блатная и столь же энергичная (в быстром, конечно, темпе), песня, часто заказываемая джаз-бэнду посетителями «Яра». Песня имела огромное множество вариантов с разным количеством куплетов, исполнявшихся в зависимости от состава и настроения присутствующих:

«Мы бежали по тундре,
По широким просторам,
Там, где мчится курьерский
«Воркута-Ленинград».
Мы бежали из Зоны,
А за нами — погоня!
Кто-то падал убитым
И кричал комендант...

По тундре,
По стальной магистрали,
Где курсирует скорый
«Воркута-Ленинград»,
Мы бежали с тобою...
Мы ж теперь на свободе —
Нас теперь не догонит
Револьверный заряд!

Мы теперь на свободе
О которой мечтают,
О которой так много
В лагерях говорят...
Перед нами открыты
Безмерные дали
И теперь на свободе
Будем мы воровать!

По тундре,
По стальной магистрали,
Где курсирует скорый
«Воркута-Ленинград»,
Мы бежали с тобою...
Мы ж теперь на свободе —
Нас теперь не догонит
Револьверный заряд!»

Без каких-либо приключений добравшись к часу дня до дачи, наш герой тщательно вытер ноги о резиновый коврик на крытом крыльце, заметив попутно, что оно некогда освещалось голой лампочкою, пустующий старорежимный

карболитовый патрон «с раструбом» от которой до сих пор сиротливо болтался на проводе в глубине двухскатного жестяного козырька. «То, что надо для реставрации моего «шишечника» — тотчас же подумал Штоппель и, притащив табурет из спальни, срезал патрон цыпинскими уткогубцами, — домик-то всё равно определён был под снос. Патрону было явно не меньше тридцати лет, так как из-под сделанного из красной меди центрального контакта выглядывала небольшая пружинка, на треть утопленная в специально отведённый под неё колодец. Контакты эти, кстати сказать, окислились совсем немного, — скорее, даже не окислились, а просто потускнели. Не глубоко въевшиеся пятна ржавчины присутствовали только в его юбке, на резьбовой вставке из калёной жести, что недвусмысленно свидетельствовало: большую часть времени патрон сей провёл всё же в рабочем состоянии. Ноги Штоппеля гудели после столь длительной прогулки с частым переходом на бег и вагонной толкучки; скорее всего, он и вовсе обезножил бы на целую неделю, не надень пред тем под низ велотрусов и толстых шерстяных носков, хорошо амортизирующих толчки при беге. И он с радостью плюхнулся в, сильно смахивающее на пляжный шезлонг, обтянутое потёртым дерматином кресло 60-х годов с облупленными подлокотниками пред тётушкиным старым «Рубином». Включив телик, из-за порядком подсевшей от старости трубки кинескопа, превратившейся в филиал «комнаты смеха», где на одном канале даже диабетичные толстяки под центнер весу казались только-только начавшими набирать лишний вес крепышами, а на другом — даже худосочный музыкальный критик Сергей Соседов выглядел вполне атлетично, Натан Юдельевич подумал с горечью: «Как же ужасна старость, если даже отнюдь не нищие люди, достигнув её, начинают, как правило, цепляться за не подлежащую ремонту рухлядь?! По этому ящику давно уж плачет ближайшая помойка...». Тут по питерскому каналу пошли новости о происшествиях за последние сутки, завершившиеся следующим сюжетом: «В результате несчастного случая, сегодня утром у двери собственной квартиры контужен (серьёзное заикание) видный деятель петербургского отделения партии эсеров Станислав Алексеевич Колесников. На голову мужчине под действием

ветра с балкона третьего этажа свалился пустой пластиковый ящик из-под бутылированного пива».

«Ясное дело — подумал Штоппель. — Менты не пожелаели возиться с явным «глухарём». Свидетелей-то по этому делу, кабы оно-таки было возбужденно, — нуль... А

«балагур-заика», япона вошь, — прикол тот ещё!...»; и, уже погружаясь в сон, выключая телевизор, промурлыкал:

«Рано утром проснувшись,
Открываю газету —
На последней странице
Золотые слова!
Это Клим Ворошилов
Даровал нам свободу,
И теперь на свободе
Будем мы воровать!

По тундре,
По стальной магистрали,
Где курсирует скорый
«Воркута-Ленинград»,
Мы бежали с тобою...
Мы ж теперь на свободе —
Нас теперь не догонит
Револьверный заряд!»

Проснувшись в седьмом часу вечера и размяв затекшие из-за неудобной позы конечности (всё это время, напомним, наш герой провёл, не раздеваясь, в старом кресле) лёгкой производственной гимнастикой, Штоппель принялся искать по шкафам и ящикам столов, не только, чем бы перекусить, но и чем бы разложить любимый гран-пасьянс «Косынка». Из съестного нашлась лишь полупустая уже банка молотого кофе, срок годности коего истекал в следующем месяце, да большой кулёк фундука (весьма, кстати говоря, калорийного продукта!), колоды же карт не обнаружилось вовсе. Зато — о, радость всякого починяющего бра! — в ящике небольшого журнального столика, на котором стоял телевизор «Рубин», обнаружился вполне себе исправный круглый (точнее, ромбовидный в продольном срезе) нашнурный выключатель 60-х годов на четыре контакта, — из тех, в которых контакт

осуществляется с помощью брусочка, что будучи вдавлен с одной стороны выключателя, вылезает противоположным концом с другой его стороны. Кроме того, на крохотной кухоньке нашлась издавна вида разделочная доска из цельного куска какого-то, весьма прочного дерева, кажется, бука, сантиметра полтора с гаком толщиной, из которой, на диво рукодельный Цыпин, виртуозно владеющий электролобзиком, сделает — за умеренную мзду, конечно! — почти неотличимый от фирменного, круглый подрозетник для «шишечника»; там же нашлась и практически непочатая банка зубного порошка «Особый», необходимого для очистки бронзы от патины.

Но сперва Штоппель решил освободить журнальный столик, где бы он мог разложить всё необходимое для чистки. Вскипятив с помощью найденного отчего-то в спальне кипятильника воды из колодца, расположенного во дворе, он наскоро попил кофе и сжевал горсть-полторы фундуку, скорлупу которого колол вполне подошедшими для такого дела уткогубцами. После чего отрезал ими же шнур «Рубина», так же потребный для починяемого бра, и погрузив тяжёлый старый телик в извлечённую из сарая двухколёсную металлическую тачку, отвёз его на лесную свалку, за шлахтаум.

Остаток дня до одиннадцати вечера, когда он обычно ложился спать, Штоппель потратил на то, чтобы, открутив уткогубцами несколько закисшую гайку на самом конце десятимиллиметровой стальной шпоньки и отделив стаканчик для плафона от широкого основания «креманки», надраить их обе, а также головки, так же бронзовых, пятимиллиметровых винтов крепления стекла, до самоварного блеска. Той же процедуре подверглись и медные контакты тщательно перед этим вымытого от пыли патрона «с раструбом». Собственно в упомянутой гайке не было бы никакой нужды, если бы советская промышленность догорбачёвских времён вообще выпускала патроны Е27 под десятимиллиметровую шпоньку. Но поскольку все такие патроны делались исключительно с резьбой под М12, а под М10 были только Е27 производства ГДР, либо наши Е14, изготовителям всевозможных цветно-металлических люстр и бра, если они не желали

довольствоваться «миньоном», приходилось загонять в конструктив светильника гайку, лишнюю при чуть более поворотливом планировании. Все эти диковатые подробности скрипач почерпнул из разговора с немного ворчливым, но жутко болтливым своим ровестником, монтёром Ювеналием Михайловым, с месяц назад прелицовывавшим люстру в гостиной с «миньона» под обычный карболитовый патрон. Кстати, другой конец шпоньки, вопреки ожиданию Натана Юдельевича, был намертво запрессован и развальцован в отверстии широкого основания [в полном подобии тому, как запрессован и развальцован в отверстии патронодержателя конец шпоньки у первых ПСХ-75 с фарфоровым патроном — примеч. автора].

В 11 наш герой, немного подтопив буржуйку найденными в сарае берёзовыми поленьями, разделся до надетых стель кстати велотрусов, лёг в идеально прибранную кровать покойной тётушки (он был вовсе не суеверен; скорее, напротив, — агностик и фаталист) и, заснув безмятежным сном праведника, проспал так до 9 утра. Быстро перекусив пригоршней фундука и запив съеденное стаканом простой кипячёной воды, он, взяв под мышку левой руки разделочную доску, а в правую — скрипичный футляр, и отправился электричкой восвояси. В футляре лежали: разъединённые половинки «креманки», блестящие на приветливом утреннем солнце, как новый пятак прежних времён, отвёртка, утгогубцы, патрон с крыльца, четырёхконтактный нашнурный выключатель и шнур от «Рубина», — ни за что не поместившиеся бы туда, захоти Штоппель собрать «шишечник» тотчас же после чистки бронзовых его деталей. Уже будучи в Купчине, он зашёл в торговый центр, купил небольшой пирог с лимоном, коим, пришед домой, и закусил, сварив любимого кофе со сливками. После разложив на столе содержимое скрипичного футляра и вынув из «столбика» в кухне тётушкин «шишечник», принялся за сборку бра. Перво-на-перво нанизав последовательно (как нанизываются разноцветные кольца на стержень развивающей игрушки-пирамидки для детей ясельного возраста) на шпоньку широкого основания стаканчик для плафона и попку от патрона с крыльца, он завинтил гайку, очень осторожно, чтоб

не дал трещину старый карболит, подтянув её уткогубцами. Затем просунув снизу «креманки» в трубку шпоньки провод от «Рубина», как ни странно, обладавший уже литой вилкой (хотя на шильдике «Рубина» значился 1984 год выпуска!), острым кухонным ножом зачистил концы провода, и сделав из оголённой его части уткогубцами колечки для винтов, прикрепил к контактам фарфоровой вставки патрона; после чего, уложив вставку в пазы попки, навинтил юбку.

Выключатель же наш герой установил примерно, в двадцати сантиметрах от самого бра. Вкрутив в патрон «с раструбом» запасную лампу-сберегайку на 15 ватт от шестирожковой люстры в гостиной, Штоппель опасно воткнул вилку вновь отремонтированного светильника в розетку сбоку от письменного стола и щёлкнул брусочком выключателя. Лампа разгоралась и светила не мигая — в полном соответствии со своим стандартом.

В 7 вечера настала пора «идти на поклон» к старому прозаику. Вернув Цыпину уткогубцы и искренне поблагодарив его за прокат, Штоппель попросил его на минутку зайти к себе в кабинет. Там, показав ему сияющую на солнце «креманку», которую будто бы привёз сегодня с унаследованной от тётушки дачи (об истинной истории её приобретения Натан Юдельевич, понятное дело, умолчал), наш герой попросил до изысканности вежливо:

— Илья Александрович, умелец Вы наш, весь подъезд ведь помнит, как аккуратно и со вкусом полтора года назад Вы отремонтировали антикварный ломберный столик старой попадьи с седьмого этажа, из квартиры подо мною, и какой замечательный светильник в греческом стиле Вы, по собственной инициативе, замечу, установили весною в ванной у Зои Григорьевны с девятого этажа! Так не могли бы Вы на выходных вырезать и приделать над этим столом подрозетник для этого бронзового бра начала века? Вот, кстати, и материал имеется...

— А что мне за это будет? — Напрямик спросил старый журналист. — Бесплатно ремонтные и реставрационные услуги я оказываю лишь пенсионерам и инвалидам. Вы же ещё достаточно молоды и, кажется, вполне здоровы — вон, велик ежедневно подолгу крутите, врубая при этом музыку, пусть

даже и классическую, на всю Ивановскую...

— Могу Вам предложить четырёхлитровую бутылку настоящего швабского тридцатилетнего Doppel-Wein'a. — Ответил, приветливо улыбаясь, Натан Юдельевич, которому чуть более именитые коллеги по оркестру нередко дарили на праздники хорошее зарубежное спиртное.

— Отлично! За это я не только вырежу и прикручу к стене Ваш подрозетник, — я и светильник посажу на него самым аккуратным образом. — Обрадованно произнёс пожилой gourmet, любитель дорогих вин. Тут Цыпин извлёк из кармана своих старомодных, очень просторных парусиновых брюк блокнот, из блокнота — огрызок карандаша, и, поставив широкое основание «креманки» посреди штоппелевой разделочной доски, тщательно обвёл его по самому краю; просунув остриё карандаша в крепёжные отверстия, наметил жирными точками будущие гнёзда под шурупы и, уже с размеченной доскою в руках, удалился к себе. В субботу под вечер, когда извлечённая из глубин старинного буфета замысловатой формы бутылка тёмного швабского Doppel-Wein'a уже стояла на штоппелевом письменном столе, явился Цыпин с тщательно отполированным и покрытым тёмно-коричневым лаком кругляком подрозетника в одной руке, мощным перфоратором «Makita» — в другой, и пузатой реверсивной отвёрткой «Vira», торчащей из кармана парусиновых брюк. Почти идеально круглый подрозетник был не только снабжён всеми необходимыми отверстиями, — предусмотрительный прозаик, за отсутствием паза для вывода провода наружу у самой «креманки», даже проточил для этого круглым «шкуродёром» жёлобок по его радиусу. Быстро провертев перфоратором два глубоких отверстия в стене сантиметров на семьдесят выше поверхности стола, он загнал туда штоппелевским молотком с короткой рукояткой пару нейлоновых дюбелей, и привинтил подрозетник двумя длиннющими чёрными саморезами; тремя короткими саморезами того же типа была затем прикручена к подрозетнику и сама «креманка». После чего Цыпин, отказавшись от предложенного Натаном Юдельевичем чаепития и, подхватив в одну руку свой перфоратор, а в другую — бутылку Doppel-Wein'a, поспешил к себе, смотреть

